

ноябрь — декабрь
2011

Глаголица

Газета филологического факультета

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

2

Интервью с
М.Л. Ремнёвой,
Л.А. Ждановой,
А.И. Солоповым

4

Рассказ
О. Федотовой:
«Гитара»

6

Про экспедицию:
«О, rus,
или Тарня»

Очерк истории филологического факультета

В декабре филологический факультет МГУ отмечает юбилей. 70 лет длится его непрерывная работа в составе Московского университета. При этом история высшего филологического образования насчитывает уже 161 г. О том, как менялся факультет, что происходит на нем сейчас и в каком направлении он будет развиваться в будущем, мы расскажем в этом очерке.

Впервые изучать особенности языка и литературы в университете стали на философском факультете. 26 июля 1835 г. в состав было включено историко-филологическое отделение. Интерес к новой научной отрасли постоянно рос, и через 15 лет отделение было преобразовано в факультет. Кафедра философии вошла в него наравне с десятью другими. До середины XX века философский факультет так и остался растворен в собственном детище.

Тогда же, в 1850 г., была создана «кафедра Педагогики... для теоретического и практического приготовления студен-

тов к учительскому званию». Именно благодаря этому современные выпускники филологического факультета имеют квалификацию «Преподаватель».

Так факультет развивался в течение полутора веков. На нем работали отцы-основатели русской лингвистики, чьи труды сейчас изучают студенты. А.Х. Востоков разграничил старославянский и церковнославянский языки. Ф.И. Буславев первым комплексно изучил памятники древнерусской литературы. Н.С. Тихонравов положил начало двух с половиной-вековому спору о подлинности «Слова о полку Игореве», выпустив в 1866 г. его научное издание. Ф.Ф. Фортунатов занимал в университете кафедру сравнительно-исторического языкознания; его ученики стали выдающимися умами лингвистики XX века. А.А. Шахматов заложил основы текстологии как науки и вместе с Ф.Ф. Фортунатовым участвовал в подготовке реформы русской орфографии.

Тогда же закладывались основы современного литературоведения. А.Ф. Мерзляков сравнил произведения русских авторов XVIII в. с античными и европейскими. Н.И. Надеждин в курсе «Теория изящных искусств» провел обширные аналогии между изобразитель-

ным искусством, поэзией и архитектурой. С.П. Шевыреву принадлежат первый общий курс по истории словесности новейших европейских народов и первый специальный курс истории древней русской литературы. И.В. Цветаев, отец Марины Цветаевой и организатор ГМИИ им. Пушкина, составил сборник италийских диалектных надписей, за что получил Золотую медаль Академии наук. М.Н. Розанов создал отделение романо-германской филологии; до этого литература романских народов была лишь вспомогательным материалом для историков.

Таким был один из четырех факультетов Московского университета до 1917 г. Октябрьская революция привела к разрушению всей прежней системы высшего образования. Новое государство создавало новую высшую школу. Началась «пролетаризация» студенчества и перестройка учебного процесса. Однако усилиями крупных ученых, оставшихся в университете, удалось сохранить лучшее, что было накоплено за 167 лет работы историко-филологического факультета.

(Продолжение следует)

Игнатий

Орбелиани-Муравьев-Апостол

«Психодром» и «картошка»

*Интервью с М.Л. Ремнёвой,
Л.А. Ждановой,
А.И. Солоповым*

Г. Майоров: В преддверии юбилея факультета, какие вспоминаются Вам события из собственной студенческой поры, каким запомнился Вам факультет? Что изменилось, а что осталось прежним?

М.Л. Ремнёва: Когда я смотрю на стулов сегодня, у меня возникает ощущение, что наша

жизнь была такой же. Я не могу сказать, что капуста были хуже, что Дни филолога были реже, что фольклорный театр не существовал. Все было. И еще у нас была потрясающая вещь — «картошка». На «картошке» была особая жизнь. Не случайно Дмитрий Борисович Гудков первые лет десять ставил капустники на Дне филолога на тему поездок на «картошку».

Я не могу сказать, что на меня особое впечатление производила комсомольская работа, хотя одно время я даже была секретарем комсомольского бюро. Вернувшись в университет из школы,

где я работала, я в течение года занимала эту должность.

Жизнь была тогда у нас очень насыщенной. Выходишь ночью в коридор общежития в Главном здании, а там ходят филологи — идут друг к другу в гости. Когда у кого-то все соберутся, начинаются песни, беседы, воспоминания, фольклористы что-нибудь обязательно веселое придумают. Вообще для меня общежитие — это тоже особый мир, особая жизнь. Хотя это и не дом, не свое, но жить там было интересно.

(продолжение на стр. 2–3)

(начало на стр. 1)

Большую роль в нашей студенческой жизни играла читалка.

Мне кажется, сейчас студенты не проводят там столько времени, сколько проводили мы. После занятий мы первым делом шли в аудиторию напротив 66-й аудитории (это было еще в старом здании), где была библиотека, и до ночи там сидели. Библиотека тогда работала до одиннадцати вечера. Там мы не только читали литературу, конечно, но еще и общались, потому что шли мы туда всей группой, а по дороге к нам присоединялись ребята из других групп. Особым местом общения у нас была балюстрада около библиотеки.

Когда говорят, что сейчас жизнь стала свободной, а мы были угнетены советской властью и ее требованиями, я должна сказать, что у меня самые светлые воспоминания о тех временах. Если просто посмотреть на наши фотографии того времени, сразу видно: нормальные, веселые ребята, только, может, одеты похуже. И без джинсов. Вот чего у нас тогда не было, так это джинсов, об этом мы даже не мечтали.

Г.М.: Марина Леонтьевна, скажите, у Вас не возникало такое ощущение, что сейчас студенты меньше вовлечены в общественную деятельность, чем тогда?

М.Р.: Я наблюдала за жизнью в университете своего собственного сына Алексея. Мне кажется, что в нашей жизни университет играл очень большую роль, он был центром наших интересов. Мой сын, напротив, ни разу не был, например, на Дне филолога, не участвовал в капустниках и даже в библиотеке не сидел.

У меня постоянно возникает подозрение, что с тех пор, как исчезло комсомольское бюро (сейчас в этом помещении находится кабинет фольклора), нашим ребятам некуда податься, кроме деканата. Раньше они шли в бюро комсомола, пили там кофе, общались. Давным-давно комсомольская организация фактически перестала выполнять политические функции, разве что на «картошку» студентов отправляли. Да и то, какая это политика. Туда можно было пойти пожаловаться, обратиться за помощью. Комсомольское бюро всерьез занималось проблемами общежитий. Сейчас же у студентов есть только деканат и учебная часть, больше им некуда пойти за помощью. Учебная часть, конечно, ак-

тивно работала и в советское время, но раньше в приемной декана и в приемной заместителя декана никогда не было людей. Туда могли вызвать, но сами студенты не ходили к декану, как сейчас. Мы жили своей жизнью, которая даже не была комсомольской, она была общежитийской. В общежитии мы советовались друг с другом, вместе решали свои проблемы. Сейчас студенты идут за решением к нам, преподавателям и руководству факультета.

Еще нужно сказать, что раньше студенты на первом курсе были не только семнадцатилетними, но были и двадцатидвух-, двадцатипятилетние, кто после армии пошел учиться. Благодаря этому студенческое сообщество было менее однородным, но более самостоятельным. Сейчас же на первый курс приходят совсем дети, и я думаю, они очень много теряют от того, что у них нет этой неполитической совместной жизни. Я имею в виду ощущение того, что ты не один, что ты часть большого общества. Ну и, кроме всего прочего, не стоит забывать, что в старом здании МГУ мы жили прямо напротив Кремля, слева был Большой театр, чуть вверх была улица Горького с театрами; направо, за нашим зданием – улица Герцена и консерватория. А сейчас мы соседствуем только с цирком.

Г.М.: Скажите, как Вы и другие люди на факультете отнеслись к переезду в новое здание?

М.Р.: Я помню, как мне Наталья Старостина тогда сказала: «У меня все время ощущение, как будто в доме покойник». Когда нас переводили сюда, казалось, будто происходит что-то трагическое, и пережить это спокойно совершенно невозможно. Правда, я сразу после переезда факультета уехала на два года в Словению, а когда вернулась, я обнаружила, что все уже прижились и все довольно. На самом деле я считаю, что самое главное – это все-таки дух, атмосфера на факультете. И пока факультетский дух у нас нормальный. У нас очень дружелюбная обстановка: студенты улыбаются – и друг другу, и нам, преподавателям; все со всеми здороваются. Преподаватель с ФГУ, которая читает нашим третькурсникам курс экономики, сказала мне недавно: «Знаете, Ваши студенты – самые хорошие из всех, с которыми мне приходится иметь дело. Они всегда вежливы, регулярно посещают занятия, слушают с интересом». Если на

наших этажах встречаются люди с других факультетов, я их сразу вижу. Они узнаваемы. И когдаходишь в лифт, легко отличить наших студентов от студентов других факультетов.

Сейчас я с любовью отношусь к Ленинским горам. Кстати сказать, еще Шувалов, заняв для университета территорию на Моховой, планировал строительство и на Воробьевых горах. Так что наше существование на Ленинских горах было задумано фактически еще при основании университета в XVIII веке, и в каком-то смысле мы и здесь продолжаем исконные традиции.

Л.А. Жданова: Мне кажется, что дух наших студентов остался прежним, а вот формы жизни, конечно, поменялись, и в этом есть свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, учиться стало легче, поскольку появилось множество технических устройств, облегчающих существование студента, а с другой стороны, в чем-то стало и тяжелее, и что-то ушло из студенческой жизни. Например, Марина Леонтьевна упомянула читалку, и я тоже хотела об этом сказать. Я поступила на факультет в 1984 г., на излете советской эпохи, но все-таки еще до какого-то кардинального изменения нашей жизни. Учеба на факультете тогда очень сближала студентов, и читалка у нас была чем-то вроде клуба. Когда заканчивались занятия, практически все наши студенты, даже те, кто не слишком усердно занимался, шли в читалку и сидели там допоздна, время от времени перемещаясь то в курилку, то на сачок, и так мы проводили вторую половину дня. Это было, конечно, связано с тем, что многое из обязательной литературы можно было взять только в библиотеке, ведь ни Интернета, ни ксероксов тогда не было. Помню, только где-то на третьем или четвертом курсе у нас появился такой предмет, как информатика, и мы ходили в ГЗ, чтобы первый раз в жизни посмотреть на персональный компьютер. Даже включить нам его не разрешили.

А.И. Солопов: Когда у меня была информатика, то даже и посмотреть еще было не на что, потому что компьютеров у университета тогда не было.

Л.А.: Да, нашему курсу повезло. Естественно, копировальные устройства тоже не были доступны, поэтому нам всем тогда так или иначе приходилось до-

ставать и читать сами книги или чьи-то конспекты. Кто-то сидел в читалке с книгами, кто-то брал книги и проводил большую часть времени на сачке, а потом их сдавал, но тем не менее такая ситуация естественно располагала к постоянному общению студентов.

Что касается комсомольской организации, я не помню идеологической составляющей, точно были разные общефакультетские и общекурсовые мероприятия. Мы ездили на картошку, и хотя это было своего рода повинностью и условия были достаточно тяжелые, но, с другой стороны, это масса новых впечатлений, и воспоминания остались в основном приятные. Также было много практик, и мне кажется, выездных больше было тогда, чем сейчас. Например, студенты РКИ ездили каждый год в Венгрию на производственно-ознакомительную практику, причем туда брали и студентов с других отделений. Можно было поехать и в другие страны.

М.Р.: К моменту поступления в аспирантуру я уже съездила во многие страны, по профсоюзным путевкам. Путевка в соцстрану стоила 170 р., в «настоящую» за границу – 230 р. К тому моменту, когда я повезла в Венгрию группу практикантов, я уже побывала в Чехословакии, в Германии, в Австрии, в Англии, причем в основном не как практикант, а по путевке, из собственного любопытства. Мы много ездили и по России. Владимир Николаевич Турбин, например, со своими студентами на автобусе ездил по литературным местам нашей страны. Когда я пошла работать в школу, я со своими учениками тоже стала ездить по литературным местам, только на поезде.

Л.Ж.: Еще были стройотряды. В отличие от «картошки», это было делом добровольным. Не знаю, насколько это популярно среди студентов сейчас, но раньше многие ездили.

М.Р.: В наше время еще ездили на целину, причем люди буквально бились за места, за право поехать. Было очень сильное желание общаться, заниматься общим делом.

Л.Ж.: И были формы, которые позволяли это сделать. Вообще, может, конечно, это результат советского воспитания, но когда нам говорили, что надо что-то сделать, у нас не возникало вопросов, почему мы должны это делать, можно ли не идти и т. д.,

какие задали бы современные студенты. Так, наш курс направили помогать на завершающих этапах строительства Дворца молодежи, причем ездили мы туда по воскресеньям. И никто не пытался протестовать, а уж тем более уваливать от этой обязанности. Этот опыт помог нам, первокурсникам, лучше познакомиться друг с другом. Мы также всем курсом убрали территорию вокруг Первого корпуса, а еще у нас было дежурство в Восьмой столовой по графику: надо было убирать посуду. И хотя это, конечно, не воспринималось с таким уж восторгом, но сейчас ведь привлечь студентов к подобной работе практически нереально, потому что обязательно возникнет вопрос: а на каких основаниях меня заставляют это делать?

Общественная работа позволяла не только лучше узнать однокурсников и получить какие-то практические навыки, но и помогала установить связи между курсами, поскольку в таких мероприятиях участвовали студенты с разных курсов.

Е.Г.: Скажите, а можно уточнить насчет сачка? Для нас это просто фойе с гардеробом. Вы, видимо, говорили о чем-то другом?

Л.Ж.: В наше время понятие сачок включало в себя и коридор, идущий от библиотеки на первом этаже. Тогда он был очень просторным, потому что никаких киосков там не было. Люди выходили из библиотеки размяться и гуляли по этому широкому коридору, сидели на батареях. Получалось что-то вроде бульвара внутри корпуса, и там постоянно находилась огромная масса людей, фланирующих, иногда курящих, беседующих друг с другом.

Это был своеобразный салон, если хотите.

М.Р.: И если кого-то нужно было найти, я, будучи заместителем декана по учебной работе, шла сначала на один, потом на другой сачок и обязательно находила искомого человека.

Л.Ж.: Кто пару прогулял, тот тоже обычно шел на сачок. Вообще, это было место коллективного общения, которое могло перемежаться с посещением библиотеки.

М.Р.: И коллективного сачкования.

Л.Ж.: Да, наверное, название как раз и возникло потому, что там было очень удобно прогуливать лекции. Студенты «не доходили» до поточных аудиторий, оставались на сачке.

М.Р.: В старом здании было тоже нечто подобное. Мы тогда собирались на дорожке, которая идет вдоль Моховой по другую сторону ограды. Это место называлось у нас «психодром».

А.С.: К тому, что уже сказано, могу добавить, что мальчики еще хорошо могли узнать друг друга на сборах, на которые мы ездили как учащиеся военной кафедры. Это было два раза: на втором курсе и между четвертым и пятым курсами. Такой опыт давал возможность не только научиться общаться с разными людьми в разных ситуациях, но и судить о своих однокурсниках по их поступкам.

Стипендия тогда составляла 40 рублей, но покупательная способность рубля была совсем другой. Например, одна поездка в метро стоила 5 копеек. На основные нужды хватало около двух рублей в день, а можно было даже и на меньшую сумму прожить. Я знал одного или двух лю-

дей, которые умудрялись жить на стипендию, — правда, это был уже совсем аскетизм. Большинству что-то присылали родители. Тогда была более сбалансированная и разумная экономическая политика, а также более четко была продумана жизнь студента, его быт и досуг. Это касается и библиотеки. Я сначала ездил в Иностранку, потому что пользоваться Ленинкой, библиотекой ИНИИ и Фундаментальной библиотекой студентам тогда просто так не разрешали. Дело в том, что до недавнего времени все занятия на факультете заканчивались около трех часов дня. Даже если не торопиться, уже в четыре можно было оказаться в библиотеке и спокойно заниматься там до семи часов, когда библиотека закрывалась. Там же, в библиотеке, можно было и поесть. К восьми я уже возвращался к общежитию, где можно было посвятить оставшийся вечер и подготовке, и общению. В общем, было гораздо больше досуга, потому что время было более разумно распределено. Я не понимаю, когда современные студенты успевают готовиться, потому что, если бы нас заставляли сидеть в университете до семи вечера, думаю, у нас уже не было бы сил что-то читать.

Е.Г.: Многие студенты работали?

А.С.: Да нет, в этом не было ни малейшей нужды. Не работал практически никто, кроме отдельных энтузиастов. У них были какие-то особые обстоятельства, например, родители не могли присылать деньги. Конечно, к старшим курсам люди постепенно начинали подрабатывать, но не потому, что остро нуждались в деньгах, а потому, что сторонние люди настойчиво просили что-то

сделать. В частности, в моей области, классической филологии, всегда было мало специалистов, и старшекурсников часто привлекали к разной работе.

Я помню мой первый гонорар, я был еще студентом, и меня попросили отредактировать один перевод с английского. Я сделал этот перевод, получил гонорар, 120 рублей, и купил на него себе плащ, который потом проносил лет пятнадцать. Кстати, ни одно из моих исправлений так и не было внесено в текст, поэтому в целом смысл этой моей работы от меня ускользает.

Я думаю, одно из главных отличий жизни того времени, помимо ее разумного устройства, состоит в том, что она была спокойной. Это был совершенно другой психологический климат — то, что называется избытым выражением «уверенность в завтрашнем дне». У советского студента не было ощущения, что он живет как бы на кратере вулкана, который в любой момент может стать активным. Может быть, это была ложная картина мира, но она была субъективно полезной. У нас не было никаких терактов, катастроф. Все катастрофы происходили где-нибудь в штате Аризона. В целом это было более разумным устройством средств массовой информации, потому что это давало людям более спокойную психику. Сейчас, может быть, жизнь и не стала намного хуже, но субъективно многие люди ощущают наше время как худшее.

От себя добавим: и все же, как писал М.А. Булгаков, «все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему».

*Георгий Майоров,
Елизавета Горбовская*

28–30 сентября кафедра английского языкознания провела юбилейную конференцию LATEUM

Организация LATEUM (Лингвистическая ассоциация преподавателей английского языка в Московском университете) была основана в 1991 году в результате сотрудничества Международной ассоциации преподавателей английского языка как иностранного и кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ.

Это первая профессиональная ассоциация преподавателей ан-

глийского языка в России, действующая на международном уровне.

LATEUM проводится раз в 2 года и привлекает много преподавателей со всей России и из-за рубежа. Согласно устоявшейся традиции, в подготовке конференции активно участвуют Британский Совет, посольство США в Москве, издательства Cambridge University Press, European Book Company, Macmillan, Oxford University Press, Pearson Education. Благодаря стараниям действующего президента LATEUM Н.В. Колесник, организационного комитета,

сотрудников кафедры и студентов III курса, юбилейная 10-я конференция удалась. В этом году, среди прочих, выступали профессор Р. Картер (Ноттингемский университет), К. Данкамб (заместитель директора в Британском совете), Т. Сантос и Т. Халл (посольство США в Москве).

На конференции был освещен широкий круг тем, связанных с английским языком и его изучением. Р. Картер и Н.Б. Гвишиани представили свои исследования в области корпусной лингвистики. Глобальные тенденции и Global English рассматривали в своих докладах многие специ-

алисты, в том числе С.Г. Тер-Минасова и К. Данкамб. Т. Сантос рассказал об использовании информационных технологий в процессе обучения (об этом говорил и Д. Дадени, и представители российских университетов), а Т. Халл рассуждала о вопросе независимости преподавателей. Язык СМИ, английский делового общения, анализ дискурса, прагматика, фонетика, фонология, семантика, проблемы перевода, литература, культура — вот лишь часть секций, представленных на конференции.

Дарья Рабекина

Ольга Федотова – студентка романо-германского отделения филфака МГУ. Пишет в основном прозу. Участница литературного объединения «Сфинкс», созданного на нашем факультете в 2009 году, руководитель ЛИТО – Алексей Николаевич Варламов, доктор филологических наук, писатель, лауреат премии Александра Солженицына.

Гитара

На улице падал снег, обволочивая скамейки, качели и огромную искусственную елку. Сквозь окно с приклеенными снежинками сероватый свет заливал стол, мандарины, пакетики с молоком и прочую лагерно-общественную снедь. Таня сидела на жесткой кровати у батареи и дремала над книжкой Гаспарова, уже битый час толковавшего ей о приемах звукописи в поэзии Фета. Вдруг раздался короткий стук в дверь и вошел Гога, проскользнув под зеленым дождиком, прилепленным в дверном проеме. Таня, проснувшись и вздрогнув, быстро бросила на него взгляд, отвела, окинула взглядом разбросанные по комнате вещи и с равнодушным видом уставилась в окно.

– Привет, – сказала она, старательно зевнув.

– Привет! – ответил Гога и улыбнулся. Таня подумала, что он забрел со скуки.

– Что ты читаешь?

– Да Гаспарова. Такая муть! – Таня захлопнула мирно лежавшую на коленях книжку и отбросила в сторону. – Не слышал о нем?

– Каспаров? Ты имеешь в виду шахматиста?

– Да нет! – вздохнула Таня. – Литературовед такой. У вас Каспаров – у нас Гаспаров. Хочешь, дам почитать?

– Нет, спасибо, – улыбнулся Гога, – а я могу тебе предложить сборник олимпиадных задач по физике. С решениями.

– С решениями? Ха-ха! Нет, лучше не будем обмениваться книжками...

– Пожалуй!

И опять эта улыбка от уха до уха. Гога подошел к окну,

поглядел, потом сел на соседнюю кушетку, сложив ноги по-турецки. Гога был Гришей только дома, поэтому большую часть своей сознательной жизни он был просто Гога. У него было смешное пластилиновое лицо, очки и вечный вихор на затылке. Глаза у Гоги были неопределенного цвета, умные, иногда – чуть жесткие. А голос вообще выдающийся – похож на овечье бляенье. Еще он часто повторял то, что сказал минуту назад. Это оттого, что в детстве он говорил очень тихо и никто не обращал на него внимания, поэтому повторять приходилось часто.

– Ты точно не хочешь порешать задачки по физике? – спросил Гога после продолжительного молчания, насмешливо поглядывая сквозь очки.

– Издеваешься! – тут же откликнулась Таня. – Лучше вот на гитарке поиграю. – И она притянула к себе валяющуюся на кровати, расчехленную гитару. Из соседней комнаты послышался приглушенный хохот. Там компания из Таниного отряда уже давно исполняла подростковый репертуар отечественного рока.

– А ты разве умеешь? – оживился Гога.

– Да вот занимаюсь. Не очень давно, пару месяцев, – Таня смущенно улыбнулась.

– Научи меня, пожалуйста! Я давно хотел. Ну хотя бы немного! – Гога даже перебрался за стол, поближе, и снял очки.

– Ну как я тебя буду учить...

– А как тебя учили?

– Ладно, смотри. Вот тут зажимаешь – получается аккорд.

Надо запомнить, как пальцы ставить, это самое сложное...

– А правой рукой?

Гога смотрел, не отрываясь. Она судорожно соображала, как ему объяснить, все время спрашивая себя: ну зачем, зачем он сидит с ней в этой захлавленной душной комнате, почему не идет в соседнюю, к ребятам? И тут же отгоняла мысль подалее.

Почему? Да надоели они ему. Потому что не нравятся. Мало ли...

– Ну, в принципе можно попробовать заглушку... вот так... бьешь и прижимаешь, только очень быстро. Это надо учить.

– А ты долго учила?

– Да говорю же – несколько месяцев...

Гога завладел гитарой.

– В другую сторону! Да нет, гриф в другую сторону! Ты ее вверх ногами держишь, – расхохоталась Таня, забыв о своих вопросах и посмотрев напрямик в глаза неопределенного цвета.

Он тоже посмеивался, глядя то на нее, то на гитару, положительно не понимая, что с ними дальше делать.

– Вот... теперь зажимаешь... Не так, не так! Дай покажу, – и она выхватила у него из рук инструмент, в порыве стукнув его об изголовье кровати.

– Ой! – только и сказал Гога.

Таня показала аккорд, он кое-как зажал его, и вместе провели по струнам.

– О! – сказали одновременно и улыбнулись. Таня медленно убрала руку с его руки, еле сдерживаясь, чтобы не отдернуть, и отодвинулась, вжалась плечами в стену. Гога, прислушиваясь, водил по струнам, непривычные пальцы отставали от грифа звук получался дребезжащий.

– Здесь что-то не так... Ну что это за убожество...

– Все нормально! Для первого раза...самое то! – Таня старалась, чтобы ее голос звучал бодро. Она все сильнее чувствовала, что хочет сбежать отсюда немедленно. Гога задумчиво поглядел на нее. Таня собралась с силами.

– Садись поближе, – она хлопала рукой по покрывалу на своей кушетке, – покажу еще раз заглушку.

«И мое сеердце...осстановилось! Мое сеердце...» – орали в соседней комнате. Он послушался, перебрался на жесткую кровать. Лицо как будто окаменело. «Нет, лучше пусть улыбается...»

Таня опять стала показывать, он нагнулся, заглядывая ей под руку, пытаясь уловить движение.

– Нет, не понимаю, – мотнул головой, – лучше сыграй что-нибудь.

– Не буду!

– Почему? – опять эта вежливая улыбка с прищуром, черт ее побери!

– Я не могу, когда на меня смотрят...когда ты смотришь... – последнее Таня проговорила совсем шепотом, но он, конечно, услышал.

– Правда? Ладно, я отвернусь! – и еще одна улыбка...

– Не надо.

Улыбка растаяла. Таня с наслаждением заметила, как он потерялся, может быть, первый раз в жизни. Чуть! Конечно, не первый. Но все-таки...

– Не надо? – тихий, рассыпанный в воздухе голос, неустойчивый и неопределенный, а еще очень горячо у нее в груди, и сейчас...

– Танька! Ты чего сидишь-то?! Ваши кататься ушли! Три раза в коридоре кричали! – это Люба, как всегда эффектная и растрепанная, застыла в дверях.

Вот оно, спасение! Как она могла забыть? (Да уж понятно, как). После тихого часа – лыжи. Все, кто занимается, уже минут двадцать назад собирались в холле, теперь, наверно, к лесу подъезжают!

Таня вскочила с кровати, ударила ногой о чемодан, заска-

кала, весело причитая, на одной ноге к шкафу, сдернула с батареи шапку, варежки, мигом влезла в тугие ботинки, крикнула что-то Гоге на прощание и спущенной пружиной выскочила из комнаты.

В холле, понятное дело, никого уже не было — только сиротливо чернела на полу оброненная кем-то перчатка. На ходу подхватив ее и бросив на стол, Таня через две ступеньки сбежала по широкой лестнице и остановилась в большой нижней зале. Вытащив свои лыжи из общей груды, Таня с силой толкнула дубовую дверь и вывалилась на крыльцо. Снег был густой, и лыжные следы на дорже, огибавшей большой куст, еле видны. Таня испугалась, что сейчас их совсем занесет и она не найдет своих. Затопилась, стала просовывать ботинок в крепление, косясь

в сторону елки, за которой торчал кузов грузовика и валялась на снегу футбольная сетка. Но в какой-то момент надавила слишком сильно, и металлическая застежка, больно щелкнув по ноге, отскочила в сугроб.

— Ежкин кот! И что мне теперь делать? — В отчаянии воскликнула Таня.

— Чего там у тебя? — высунулся из-за елки Кирсан, то есть Кирилл Александрович, учитель истории. Наверно, машину разгружал.

— Да крепление отскочило... вот оно, — Таня выудила застежку из-под снега. — Как думаете, это очень серьезно?

Историк повертел застежку в руках, хмыкнул.

— Ясно, — вздохнула Таня, — ну и ладно, значит, не судьба. — И, засунув лыжи с палками подмышку, поплелась обратно в корпус. Свежий снег

смачно похрустывал под ботинками, а больше не было слышно ничего — как будто весь лагерь провалился в спячку под белым одеялом.

В корпусе, наоборот, кипела жизнь. За пять минут ее отсутствия уже откуда-то взялись мальчишки с ракетками, азартно топчущиеся у пинпонговых столов. Хоровое пение прекратилось, но еще поднимаясь по лестнице, девочка услышала красивое гитарное соло, а хоровое пение прекратилось. Странно, кто бы это мог быть? Ната дальше Цоя пока не продвинулась, Любу она сама учила. Может, Васька Комарин? Мучаясь загадкой, Таня уже подходила к двери. Звук был гулкой, отчетливый, и ее представилось, как тонкие пальцы без малейшего усилия порхают по грифу. С громким стуком в ушах Таня толкнула дверь...

— Гога!

Он быстро вскинул растрепанную голову и часто заморгал.

— Ты же...тебя же...а на лыжах?

Таня расхохоталась от одного его вида. Не понимая, что происходит, посмеивались ребята, перебравшиеся из соседней комнаты и рассеявшиеся вокруг гитариста, и он сам, наконец, широко улыбнулся, сузив глаза и растянув свое пластилиновое лицо. Когда Таня, отсмеявшись, поглядела на него внимательней, глаза неопределенного цвета опять глядели задумчиво. Они как будто объясняли Тане: да, зачем-то он очень долго просидел с ней в этой комнате. Но точно не для того, чтобы научиться играть на гитаре.

Ольга Федотова

2009

Подумают — праздник. Включат телевизор.
Захочется счастья. Поднимут бокалы.
Поставят на стол советские сервизы
С твердой решимостью начать все с начала.

Забудут проклятую, горькую долю:
— Слава тебе господи, живы и здоровы!
Достанут улыбки из старой антресоли,
И, как дети, будут верить секундам новым.

И вспомнится людям, что они родные
И, кажется, землю готовы обнять бы...
Посмотрят друг на друга как будто впервые,
Колючие сердца мечтами нарядят.

И тени на обоях искривятся от смеха,
И вилки запляшут в горошковом салате,
И только телефонное пьяное эхо
Растреплет обрывки неуклюжих объятий.

А мне бы услышать твой голос, бегущий
Через провода, огни и снегопады...
Молчит Илиада, а он из будущего,
А больше и чудес никаких не надо.

Не надо чужих вечнозеленых иллюзий,
Заморского глянца красоты бивалютной
И льготного транзита вдохновений от Музы —
Но, может, согреешься далеким «люблю» ты!

Москва расплывется в беспробудную слякоть,
Захлопают будни по площади Соборной.
А нам хотя бы эти слова не растратить,
Когда от немоты надывается горло,

Когда иезуитом притаилась зачетка
И в душной темноте подстерегают страницы.
Пошлем премудрость к черту! Не единым расчетом!
О беспокойной жизни станем молиться.

Побольше песен бы в усталую душу,
Зубы в чемоданы и скатертью дорога!
На спящем полустанке расстаться с минувшим,
Две тысячи девятый руками потрогать...

***

Кто-то в беспамятстве выплеснутыми красками
Растревожил зевающе-диванное житиё
Осень разудальными карнавальными плясками
Ворвалась в недоумевающее сердце моё.

Я не ждал ее прихода. Ютился в сомнениях.
Зеленя над книгой, разыгрывал глубокомыслие.
А она пришла и раскованной рукою гения
Нарисовала счастье отчаянно-бескорыстное.

Хочешь?! сумасшествием назови
Это любованье траурным венцом.
Воздух, изнемогающий от любви,
Отзовется трепетом бессонных канцон.

Бойся! внезапного возгорания —
Поджигатель не привык свою душу жалеть.
На кленовом костре, окрыленностью тайною
Боже мой, как безумно, как сладко гореть!

И почтенная утка-единоличница
Величаво прошествует по темной воде.
И посыплется с веток стихи элегические,
Приликая к ботинкам перспективных людей.

Осторожно ступая по хрустящей мистерии,
Прокричу чье-то имя в октябрьский туман...
Непутевый ты актер, но все ли потеряно?
Красота отречения дарована нам.

Нет, лукавство! Есть глаза еще прекраснее осени,
Несказанные в своей пронзающей ясности...
И не страшно сразиться с роковыми вопросами,
Лишь бы только им светиться—нечаянной радостью!

**Игорь Бурков — поэт и литературовед.
Окончил филологический факультет МГУ. Аспирант
кафедры истории русской литературы XX века.**

**Может ли человек XXI
века прожить месяц
без радио,
телевидения,
Интернета и сотовой
связи?
Естественно!
Диалектологическая
экспедиция – одна из
таких поездок, заставляющих забыть о пре-
лестях
цивилизации.**

*Из дальних странствий
возвратясь...
И.А. Крылов*

ТАРНЯ

Так официально называется куст деревень Шенкурского района Архангельской области, в которых под чутким руководством Ирины Борисовны Качинской месяц работала одна из 4-х групп диалектологов, выехавших на практику в Архангельскую область летом 2011 г.

Просто МЫ

Знакомьтесь, МЫ – руководитель экспедиции, я и второкурсницы Маша, Женя и две Насти (см. фото). Экспедиции XXI в. значительно отличаются от тех, которые были в предыдущем столетии. Техника изменилась. Цифровые диктофоны, фотоаппараты и камера стали незаменимыми спутниками филологов. Меняется многое. Но осталась жажда знаний и желание докопаться до истины, узнать-таки, что означает то или иное слово. И снова студент сидит ночью на кухне с банкой сгущенки и своей тетрадкой.

Многие едут в диалектологическую экспедицию не первый раз, и душу им греет мысль, что карточки расписывать не надо. Но теперь страдать от написания карточек и их расстановки в картотеке не будут и второкурсники, проходящие обязательную практику в Москве. В 2011 г. начался эксперимент – традиционные картонные карточки для «бумажной» картотеки заменились работой с компьютером: началось создание «электронных карточек».

Тарня – это бывшая Тарнянская волость Шенкурского уезда. Тарнянский сельсовет (сейчас муниципальное объединение «Тарнянское») объединил почти два десятка деревень, раскиданных вдоль прихотливого течения реки Тарни.

В 1897 г. в Тарне жило 1847 человек. Конечно, число жителей уменьшалось на протяжении всего XX столетия, но сейчас он сокращается особенно быстро. Полностью исчезли в Тарне и многие деревни, хотя названия их люди еще помнят. У всех деревень здесь по два названия: официальное и местное, например,

*Во Сибири-то высоко жнут,
Во Березнике с корнями дерут,
Во Кулькове-то бересту дерут,
А во Зуеве зобёнки плетут.
Во Заречной белы ягоды берут,
Во Подгорной гуляночки ведут.
И на Рыбине гуляночка,
Там казёнка, там и лавочка.
Во Тужилове-то плохо с водой,
В каждом доме там
по девушке одной.*

*На Пахомове-то горка высока,
Там гуляют низовски рекрута.
На Петрове-то невеяная рожь,
На Погосте – несжатый овёс.
А в Фалееве-то баня на боку,
Один парень там
не курит табаку.
А в Rogovcove один
парень-то хорош,
Он не ходит на
вечёрку без галош.
В Угловой-то пряжу прядут,
А в Ежове-то портно ткут.
А как в Климове
стараются землёй.
Во Кылкове по коровушке одной.
А в Шишове-то хлеба пекут.
В Горбачёве-то солому ткут.*

Дом, в котором мы жили, не простой. Нам радостно сообщили, что прозван он «террористов дом» (из-за живших там лесорубов, любивших пострелять прямо в доме). Еще там располагался

Скоро начнется День деревни. А вот и первый зритель!

детский сад - от которого нам в наследство достались расписанная печка и веселенькие картинки на стенах. Жилось нам в доме хорошо. Расположен он был на высоком угоре над речкой Тарней, куда мы в жару все время сбегали купаться. Даже местный «Мегафон» в доме ловился – правда, исключительно в туалете. Нам повезло с соседями: Зоей Федоровной, Ниной Александровной и нашим «ангелом-хранителем» Низковой Галиной Константиновной. Она помогла нам обжиться в доме, советовала, к кому лучше пойти на запись, угощала домашними пирожками, показала все свое хозяйство – от телят-поросят до кур и кроликов. А еще Галина Константиновна – удивительный самобытный поэт. В ее стихах

о родине, о любви, об уходящей жизни деревни, о сыновьях, об отце и матери слышатся те же знакомые мотивы, что и у Есенина, Твардовского, Рубцова. Есть в них еще что-то неуловимое, свое, ведь в них вложена душа.

*В родной избе
Взошла на старое крыльцо,
Толкнула дверь двумя руками
И ухватилась за кольцо.
Уж нет отца и нету мамы.
Вошла в избу, а в горле ком
И тайный холод сводит плечи
Мать ведала видать о том,
Без нас придешь к холодной печи
Я скоро справила дела,
Мене до боли все знакомо
С охотой шла в родимый дом,
А каково идти от дома?*

Тарнянская библиотека-клуб – хранилище рукописных тетрадок и альбомов. Их нам дали сфотографировать после

празднования Дня деревни (см. фото).

Но наиболее яркий (во всех значениях этого слова) местный праздник – Люминация. Проведение его приурочено к 1 Мая. В ночь на 1 мая в кострах, разжигаемых молодежью на вершинах холмов, сгорает множество старых амбарных книг, дневников, пехтерей, корзин, прялок и других ценных для музеев (но не для местных жителей) вещей. Иван Тимофеевич Анишук так высказал свое отношение к этому празднику: «Люминация была – советская причуда. На горе зажигали, Первый Май встречали. Или бочку смоляную из конюшни упрут, на жердь насадят – далеко видно. Потом бегал бригадир, давал

под затыльники, что бочку уперли». А местный лесник *Андрей Павлович Павловский*, человек энциклопедических знаний и обладатель лучшей в Тарне личной библиотеки, считает, что праздник языческий и очеь напоминает

тым был веселый пес Боцман. «Сопите, ады, хватит еды!» — так намговорили, приглашая пить чай, — «в смысле чтоб не ограничивали себя, пили. Сопти — есть, кушать, жрать. Ады — люди, гости за столом», — поясняет *А.П. Пав-*

Как я по воду ходила...

шабаш, когда ведьмы жгли костры на высоких холмах. Для молодежи же это соревнование между деревнями: у кого ярче горит костер. Информантов диалектологам хватало. Ссориться из-за бабушек не приходилось. А нашим постоянным провожа-

ловский. А *Иван Тимофеевич* добавляет: «Ады — сорное слово, детей непослушных так звали». И рассказывает про другие непонятные слова: «У нас каждое слово — *пай*, как в городе слово *блин*. В соседнем сельсовете — нали, с

Верхней Паденьги».

Немало интересных историй услышали мы в Тарне, узнали десятки прозвищ. Например, такие:

«Комолая — безрогая корова. Дядька был, прозвище Комолый: он лысый был, у него женский фальцет был».

«Был еще Гриша Король. Он в Роговце остался, он был контужен на войне, ранен во время финской кампании. Его снайпер ранил. У него еще дырка такая была на спине. Глухой был. Оглох во время войны. Двадцатого года (рождения). Он в восьмидесятом году умер. Как заорет: «Едома, я король!» Так прозвище себе и придумывал. Едома — местность типа вотчины».

Жаль, что уходит время сказок, быличек (заменяемых страшными историями о пьяных односельчанах). Как говорят *тарняки*, и нечисть повывелась. Современные дети сами водяного напугать могут. «Раньше пугало везде. Много знали пригонох старухи. Старухи раньше все делали: и порчу напустят... И хорошо напустят!» Нас в Тарне не пугало. Мы же, как положено, ладили с *доможирушкой* и в баню в полночь не ходили, дабы не конфликтовать с *баенным дедушкой*. Нас в Тарне берегло: кроме пса Боцмана, иногда нас провожал таинственный мужик в зеленом костюме, шишковид-

ной меховой шапке и с ружьем за спиной. Правда, в отличие от пса, которого видели все, зеленого мужика видел только один член нашей экспедиции. И вовсе не потому, что пересидел за ноутбуком.

А вот истории, ставшие притчами во языцех. Один из информантов вспоминает, как приходил в магазин, когда продукты давали по карточкам. Его спрашивали о составе семьи, и мужчина отвечал: «У меня Вася да Стёпа». И давали ему 6 кг сахарного песка. А это были пес и кот.

Удивительно наблюдать как из ситуации, из фразы рождается поговорка. У одного нерадивого мужика в доме сильно протекала крыша. Как-то во время

*Речка Тарня неширока,
Берега наполнились.
Жалко было расставаться:
Только познакомились.*

дождя к нему заглянул председатель колхоза и увидел, что он вместе с детьми прячется от дождя в комнате под столом. На замечание (*Ты бы крышу покрыл*) мужик ответил: «Кто ж в дождь крышу кроет? А в ведро и не каплет» (*ведро — хорошая погода*). Незаметно пролетело время. Пора прощаться с гостеприимным краем.

Александра Балашова

«МОСТ» — the most!

«МОСТ» — театр с богатой историей. Первое представление тогда еще студенческого театра было дано в 1756 г., а в 1999 г. театр получил статус государственного. Репертуар чрезвычайно разнообразен: от Эдмона Ростана и Лопе де Вега до Оскара Уайльда. Игру актеров высоко оценивают такие издания, как «The Moscow Times», «Вечерняя Москва» и «Театральная Афиша».

Художественный руководитель и главный режиссер — Е.И. Славутин, выпускник совсем, казалось бы, не связанного с театром механико-математического факультета МГУ. Славутин был первым режиссером, который поставил произведения Татьяны Толстой и Венедикта Ерофеева. Некоторые студенты, прошедшие его театральную школу, в дальнейшем посвящали свою жизнь кино и театру (среди них А. Кортнев,

И. Богушевская и другие). Именно благодаря блестящей подготовке актеров происходящее на сцене меньше всего напоминает само-

деятельность. 15 октября в «МОСТе» состоялась премьера спектакля «Как важно быть серьезным» по мотивам одноименной пьесы

Оскара Уайльда. Комедия, высоко оцененная еще при жизни писателя, актуальна и сейчас. При постановке она подверглась изменениям: в спектакле звучат хиты групп Rolling Stones и The Beatles, а оригинальный сюжет разбавлен современными реалиями. «Индийское кино какое-то», — так комментирует один из героев абсурдную кульминацию.

Следует сказать и об атмосфере, создаваемой в театре.

При входе зрителей встречают актеры, не задействованные в объявленном на этот день спектакле. Они же развлекают гостей во время антракта, предлагая им примерить на себя различные атрибуты «уайльдовских» образов. Привлекает внимание и то, что многие зрители знакомы друг с другом. Очевидно, приятная и непринужденная обстановка театра «МОСТ» способствует дружескому общению.

Анна Полунина

Т Е А Т Р
М О С Т

***
С Божьей помощью ломанем сейчас операционку!

***
Если кого-нибудь из вас убью пробкой от шампанского, обязуюсь прочитать молитву по покойнику.

***
— Слушай, Руслан, ты не брал случайно вместо одной две ложки?
У нас пропала...
— Я не Иисус. Могу, конечно, помолиться, но из одной ложки две...

***
Радуйтесь! Я купила туалетной бумаги. Засранцам нашего блока посвящается...

***
Ультиматум парню, зашедшему в комнату однокурсниц:
— Ты видел нас без

косметики! Теперь ты обязан на нас жениться. На всех трех.

***
Джинсы от «Версаче», кофта от «Дольче Габбано», заговор... от покойника.

***
Примета: если упала вилка, то, чтобы никто не пришёл, надо трижды постучать ею об пол со словами: «Все дома».

***
— Жень, выкинь мусор!
— Вечером нельзя: денег не будет. Примета.
— Тогда, по моей примете, тараканы будут.

***
Пришел электрик лампочку вкручивать в люстру.
— Надо только стол

отодвинуть. О! Да у вас крышка скользит. Что вы на столе делаете? У вас от него шурупы есть? Или вы с тех пор уже подметали?
— А не заметно, что подметали? Вообще-то крышка уже минимум полгода свободно ездит взад и вперед. А такой гвоздь подойдет?
— Как деревенский вариант шурупа? Вряд ли. Давайте хоть с этой стороны крышку закреплю. Со столом вам всё до лампочки.

— А у нас вчера в этой люстре другая лампочка перегорела. Ваш коллега приходил.
— Каждый день по электрику! Учтите: нас четверо. А почему сразу одну заявку не написать?
— Они по очереди перегорают. Да и на этаже странный дежурный — дядя

Миша: «Тихо сам с собою я веду беседу».
— А Вы что племянница дяди Миши?

***
Студенты сессию сдавали — Экзаменатор их валил. Вопросы ядрами летали — Один в студента угодил.

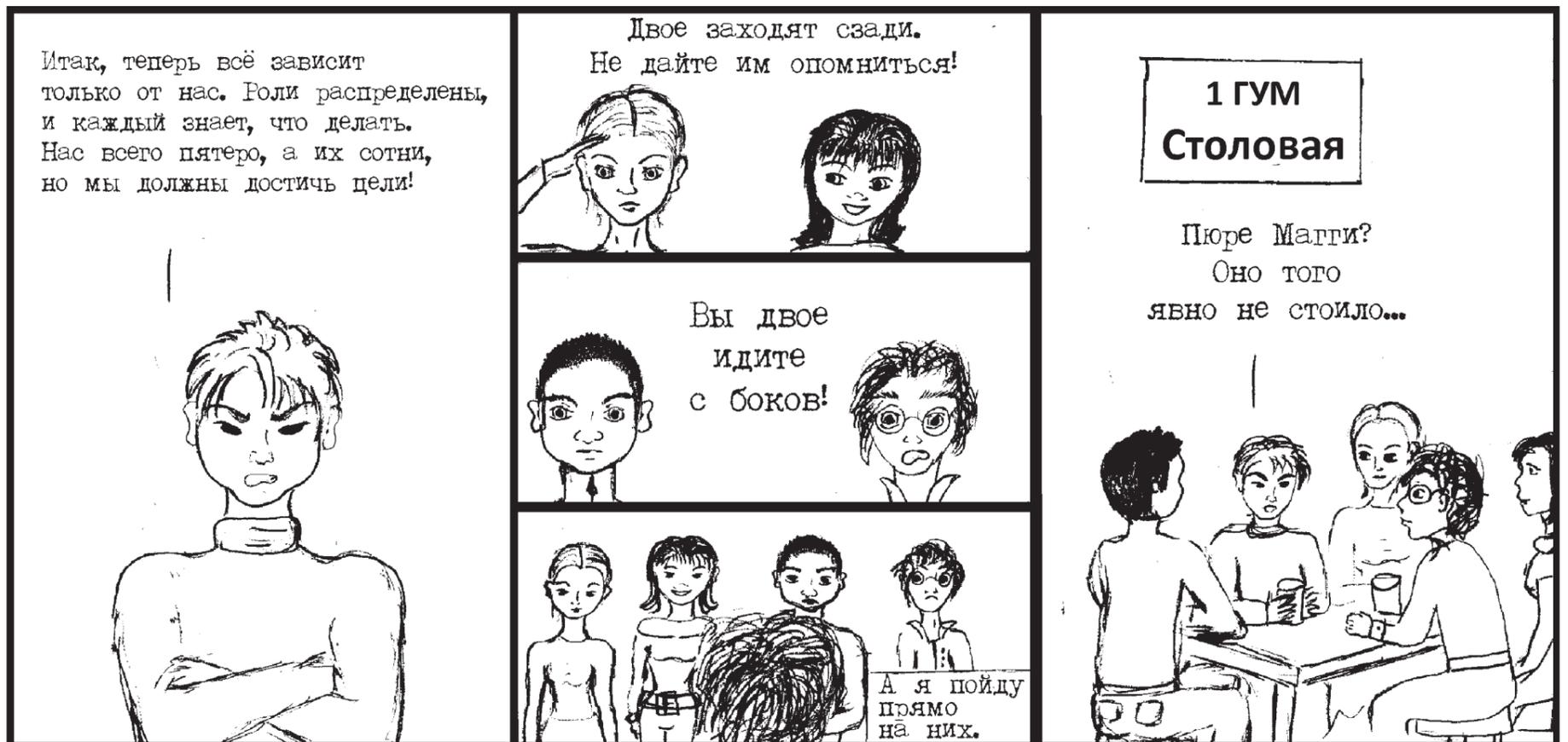
Ему отбило все, что было. Погиб он, сессию не сдал.

Зачем, зачем на белом свете
Есть безответный старослав?

Его несли после зачёта,
Зачетку вынесли потом.
А в изголовье положили
Незащищённый им диплом.

В общаге девушка рыдает.
В ее глазах прощенья нет:
Он о ребенке не узнает,
И ей он больше не сосед.

Александра Балашова

Художник Елена Бушаева

Глаголица

Газета филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Электронная версия газеты в Internet: www.philol.msu.ru/faculty/newspaper

Редколлегия: Г. Майоров (ответственный редактор), Е. Горбовская (редактор), М. Сулимова (административные вопросы), О. Трушина (верстка).
Авторы: Г. Майоров, И. Орбелани-Муравьев-Апостол, А. Балашова, Е. Горбовская, А. Полунина, Е. Бушаева.

Благодарим за возможность издавать газету декана филологического факультета проф. М.А. Ремнёву.

Благодарим за помощь в подготовке номера Е.Г. Домогацкую.

При перепечатке ссылка на газету «Глаголица» обязательна. Мнение редколлегии может не совпадать с позицией авторов публикаций.

Некоммерческое издание. Тираж 500 экз. Отпечатано в типографии Издательства Московского университета. 119991, Москва, ул. Академика Хохлова, 11. Заказ